максимиліанъ волошинъ

лики шворчесшва

КНИГА ПЕРВАЯ

изданіє .АПОЛЛОНА'

С~ПЕПЕРБУРГЪ 1914.

Дорогіе Друзья, Братья и Сестры!

Представляемъ Вамъ статью Максимиліана Александровича Волошина «Демоны разрушенія и закона». Въ ней авторъ прослѣживаетъ эволюцію средствъ разрушенія въ европейской исторіи.

Начиная съ кулака и переходя къ исторіи меча, авторъ характеризуетъ послъдствія примѣненія въ будущихъ войнахъ взрывчатыхъ веществъ, описывая страшныя разрушенія, ими причиняемыя. Волошинъ завершаетъ M.A. тѣмъ. статью катастрофы, предсказываетъ страшныя подобныя катаклизмамъ (которыя вскоръ міровымъ не преминули произойти).

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской ороографіи, безъ какихълибо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію статьи отъ 1914 года ¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

_

¹ Волошинъ, М.А. Демоны разрушенія и закона // Лики творчества / М.А. Волошинъ. – СПб.: Изданіе «Аполлона», 1914. – Книга первая. – С. 293–319.

ДЕМОНЫ РАЗРУШЕНІЯ И ЗАКОНА

Морисъ Мэтерлинкъ: Eloge de la Boxe. Eloge de l' Epée. Les dieux de la guerre.

Поль де Сенъ Викторъ: Le Musée d' Artillerie.

І. МЕЧЪ

Въ одной изъ своихъ статей Морисъ Мэтерлинкъ возглашаетъ хвалу кулаку, находя, что по сравненію съ тѣми силами истребленія, которыя кинуты теперь человѣкомъ въ міръ, онъ является орудіемъ мягкимъ и человѣчнымъ.

Образы нашего языка далеко отстали отъ быстраго стремленія эволюціи разрушенія, и для насъ кулакъ является еще до сихъ поръ обычнымъ символомъ грубой силы, грубаго насилія.

Доказательства Мэтерлинка естественны и неоспоримы. Съ ними нельзя не согласиться:

Человъкъ — наиболъе незащищенное изъ всъхъ животныхъ. Его нельзя даже сравнить ни съ однимъ изъ насъкомыхъ, такъ чудовищно вооруженныхъ и забронированныхъ.

Посмотрите на муравья, который можетъ быть придавленъ тяжестью, въ двадцать тысячъ разъ превосходящей тяжесть его собственнаго тъла, и нисколько не пострадаетъ отъ этого. Твердость доспъховъ, защищающихъ устрицу, почти безгранична.

Сравнительно съ ними — мы и большинство млекопитающихъ — мы находимся еще въ какомъ то желатинообразномъ состояніи, близкомъ къ состоянію

первичной протоплазмы.

Только нашъ скелетъ, являющійся какъ бы бъглымъ эскизомъ нашей окончательной формы, представляетъ изъ себя нъчто болъ солидное.

Но и онъ кажется лишь неумѣлымъ рисункомъ пятилѣтняго ребенка.

Рассмотрите нашъ спинной хребетъ, основу всей системы, — позвонки его плохо связаны другъ съ другомъ и держатся лишь какимъ то чудомъ.

Наша грудная клѣтка представляетъ цѣлый рядъ отверстій, къ которымъ страшно прикоснуться концами пальцевъ.

И противъ этой слабо и плохо собранной машины, которая кажется неудачнымъ опытомъ природы, противъ этого бѣднаго организма, съ трудомъ поддерживающаго свою собственную жизнь, мы изобрели такія орудія разрушенія, которыя могли бы мгновенно уничтожить насъ даже въ томъ случаѣ, если бы мы обладали фантастической броней, избыточной силой и невѣроятной жизнеспособностью самыхъ защищенныхъ изъ насѣкомыхъ.

Въ этомъ есть нѣкое безуміе, свойственное исключительно человѣческому роду, — безуміе, которое не уменьшается, но растетъ съ каждымъ днемъ.

Чтобы не выходить изъ предѣловъ естественной логики, эти необыкновенныя орудія истребленія мы бы должны были употреблять лишь противъ нашихъ враговъ — не людей; сами же между собой употреблять лишь тѣ средства нападенія и зашиты, что предоставлены намъ нашимъ собственнымъ тѣломъ.

Кулакъ для человъка — то же, что для быка

рогъ и челюсть для льва. Имъ должны были бы ограничиваться наши потребности самозащиты, справедливости и отмщенія. Подъ страхомъ непоправимаго преступленія основныхъ законовъ рода, самое мудрое изъ племенъ должно бы запретить иные способы междоусобной борьбы.

Изученіе бокса даетъ намъ прекрасные уроки смиренія, наглядно показывая, что во всемъ, что касается ловкости, выносливости и силы, мы находимся въ послѣднихъ рядахъ нашихъ млекопитающихъ собратьевъ.

Въ этой іерархіи мы по всей справедливости занимаемъ скромное мѣсто рядомъ съ лягушкой и овцой.

Въ то время, какъ ударъ копытомъ или ударъ рогомъ уже совершенны, и механически, и анатомически, и болъе усовершенствованы быть не могутъ, мы имъемъ возможность безконечно усовершенствовать наше природное оружіе, такъ какъ мы совершенно не имъемъ понятія о системахъ пользованія кулакомъ.

Прежде, чѣмъ учитель не объяснилъ намъ методически его употребленія, мы никогда не сможемъ сосредоточить въ немъ всю силу нашего плеча, относительно громадную.

Въ трехъ ударахъ, математически исчерпывающихъ всѣ тысячи возможностей, сосредоточена вся наука бокса. Если одинъ изъ нихъ достигъ цѣли, борьба кончена. Противникъ лишенъ дальнѣйшей возможности защищаться; на срокъ, вполнѣ достаточный для окончанія спора.

Когда же побъжденный приходитъ въ себя, то организмъ его быстро возстанавливаетъ свои силы,

такъ какъ сопротивленіе органовъ и костей его естественно пропорціонально силѣ кулака, поразившаго его.

Это кажется парадоксальнымъ, заключаетъ Мэтерлинкъ, но легко установить, что искусство бокса въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно примѣняется широко и всѣми, является надежнымъ залогомъ мира и взаимнаго уваженія.

Кулакъ дъйствительно устанавливаетъ равенство атлетовъ, которое и было залогомъ процвътанія античныхъ республикъ.

И въ этомъ смыслѣ кулачное право является воистину гуманнымъ, человѣчнымъ закономъ, особенно по сравненію съ правомъ пушечнымъ, правомъ динамитнымъ или правомъ лиддитнымъ.

Путь, пройденный человъчествомъ отъ кулака до динамитной бомбы, длиненъ и разнообразенъ, и каждый шагъ его ознаменованъ глубокими чертами въ области права и морали.

Каждое новое орудіе разрушенія, поднятое въ зажатой рукъ человъка, какъ магическій жезлъ преображаетъ эту область и съ каждымъ новымъ движеніемъ снова и снова опредъляетъ взаимоотношеніе этихъ двухъ извъчно несогласныхъ между собой стихій порядка.

Право, какъ божественный писецъ Судьбы, честно отмъчаетъ всякое торжество силы, а мораль, какъ върное зеркало человъческихъ противоръчій, то уступаетъ искушенію власти, то строгими приказами стремится восстановить нарушенное равновъсіе.

И ликъ, и духъ человѣка мѣнялись въ зависимости отъ средствъ нападенія и защиты.

Между заостреннымъ кускомъ дерева и

кремневыми топорами, впервые зажатыми въ человъческомъ кулакъ, и бронзовыми доспъхами грековъ, въ скульптуръ которыхъ запечатлълись пластическія линіи безсмертныхъ торсовъ, прошли цълыя въчности различныхъ культуръ.

Исторію человъческаго права надо изучать не въ сводахъ законовъ, а въ музеяхъ стараго оружія. Тамъ оно запечатлъно въ формъ клинковъ и живо въ девизахъ, выгравированныхъ на нихъ.

Несмотря на всю неоспоримость доказательствъ Мэтерлинка о человъчности кулака, глубокая историческая правда заложена въ томъ, что кулакъ сталь символомъ насилія, а мечъ — символомъ справедливости.

Символъ — не что иное, какъ сѣмя, въ которомъ замкнуть цѣлый циклъ исторіи человѣчества, цѣлая эпоха, уже отошедшая, цѣлый строй идей, уже пережитыхъ, цѣлая система познанія, уже перешедшая въ безсознательное. Эти сѣмена умершихъ культуръ, развѣянныя по міру въ видѣ знаковъ и символовъ, таять въ себѣ законченные отпечатки огромныхъ эпохъ. Отсюда та власть, которую символы имѣютъ надъ человѣческимъ духомъ. Истинное знаніе заключается въ умѣніи читать символы.

Символъ кулака остался въ нашемъ языкъ знакомъ тъхъ тысячелътій человъческой исторіи, когда сила неодолимо царила надъ человъческимъ умомъ. Но если отъ кулака до меча прошли цълыя въчности, то и отъ культуры меча, которая исторически окончилась для насъ такъ недавно, мы отдълены междузвъздными пространствами.

Средневъковье было священнымъ царствомъ

меча, являвшаго прообразъ креста.

Мечъ былъ живымъ существомъ. Мечъ обладалъ магическими свойствами. Въ описи оружія Людовика VIII противъ меча, носящаго имя Ланселодю-Лакъ, стоить сноска: «Про него утверждаютъ, что онъ фея».

Среди среднев вковых в мечей было много таких в, которые были воплотившимися феями.

Мечъ воспринималъ таинство Св. Крещенія и нарекался христіанскимъ именемъ. Мечъ Карла Великаго носилъ имя «Joyeuse», Роландовъ мечъ назывался Дюрандалемъ, мечъ Рэно — «Фламбо», мечъ Оливье — «Отклэръ». Его рукоять была священнымъ ковчегомъ, въ которомъ хранились частицы мощей. Передъ началомъ битвы воинъ цъловалъ рукоять своего меча. Отсюда, до сихъ поръ сохранившійся, жестъ военнаго салюта шпагой или саблей.

Рыцарскіе мечи возлагались на алтарь и принимали участіе въ богослуженіи. Въ исторіи мечей все окружено чудомъ. Рыцарь — только служитель меча, который совершаетъ въ мірѣ нѣкую высшую, справедливую волю.

На клинкъ меча высъчены слова молитвы, которую онъ возглашаетъ каждымъ ударомъ. Слова, окрылявшія высшимъ значеніемъ справедливую сталь.

«In te, Domine, speravi!» ² восклицаетъ одинъ мечъ XVI въка.

«Ne movear in terra ad dextram Iehovah!» ³

_

² На тебя, Боже, уповаемъ! (лат.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примъчаніе издателя*.

³ Да не подвигнусь на земли одесную Бога Іеговы (лат.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примъчаніе* издателя.

возглашаетъ другой.

«Ne me tire pas sans raison; ne me remets pas sans honneur» 4 , заповъдуетъ одинъ кастильскій клинокъ своему владъльцу.

«Ave, Maria, gratia plena» ⁵, говорить Тизона, мечъ Сида.

Но самый краткій и значительный изъ девизовъ былъ на мечѣ «Коллада», тоже принадлежавшемъ Сиду Кампеадору: на одной сторонѣ его было написано «Si! Si!» — а на другой «No! No!»: Да! Да! — Нѣтъ! Нѣтъ!

Это девизъ всей эпохи, всей культуры: Да! Да! — Нѣтъ! Нѣтъ! Хочется прибавить, что этотъ мечъ былъ прообразомъ человѣческаго сознанія, которое все познаваемое разсѣкаетъ на два конечныхъ противорѣчія, на двѣ несовмѣстимыя истины, на двѣ антиноміи.

Этотъ мечъ — символъ земной справедливости съ ея конечнымъ утвержденіемъ и конечнымъ отрицаніемъ.

Ибсеновскій Брандъ, требующій «или все или ничего», является только слабымъ человъческимъ отраженіемъ этого нечеловъческаго Да! Да! — Нътъ! Нътъ!

Метафизическая истина, записанная на лезвіи меча, запечатлѣнная на этихъ скрижаляхъ, несетъ въ себѣ утвержденіе, окрыленное сверхчеловѣческой энергіей.

-

⁴ Не извлекай меня безъ причины, не вкладывай меня безъ чести (франц.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примъчаніе издателя.*

⁵ Радуйся, Марія, благодати полная (лат.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примъчаніе издателя*.

Чемъ стали бы слова Ницше для нашего времени, если бы они были написаны на клинкахъ мечей!

Каждое движеніе меча было символомъ и священнодъйствіемъ. Онъ былъ оружіемъ избранныхъ посвященныхъ. Только равному съ равнымъ дозволялось скрещать оружіе. Мечъ могъ выступать противъ Эта меча. великая культура лишь крестообразныхъ погибла вслѣдствіе мечей аристократизма и исключительности своего оружія, которое почти перестало быть земнымъ, превратившись въ отвлеченный символъ.

Одна фламандская хроника разсказываетъ, какъ во время крестьянскихъ войнъ группа рыцарей встрътилась съ толпой крестьянъ, вооруженныхъ вилами и косами. И всъ они предпочли умереть безъ сопротивленія, чъмъ обнажить свои мечи противъ этого крестьянскаго желъза.

Такъ перевелись витязи Святого Средневѣковья.

Порохъ явилъ свой дымный и зловъщій ликъ.

Несовершенные, неуклюжія и огромныя орудія, похожія на страшныхъ допотопныхъ чудовищъ, еще плохо прислособленныхъ къ жизни, разметали тяжелые доспъхи, въ которые было заковано средневъковое рыцарство, и сделали безполезнымъ благородный мечъ.

Но мечъ не погибъ сразу. Рухнула вся цѣльная и законченная культура меча, но отголоски ея, измѣненные и искаженные, дошли почти до нашихъ дней.

XVI вѣкъ, когда совершился уже роковой кризисъ, былъ вѣкомъ, когда мечъ достигаетъ своего

высшаго техническаго совершенства. Отъ этого вѣка остались самые прекрасные образцы оружія: сталь клинка, скульптурныя украшенія эфеса, равновѣсіе между клинкомъ и рукояткой, — все въ этомъ вѣкѣ достигаетъ высшаго совершенства. Но идея меча уже сломлена, и начинается быстрое паденіе.

Духъ меча, его энергія, Судъ Божій, предоставленный ему, сохраняются въ шпагѣ и въ церемоніалѣ дуэли.

Его плоть, стихійная, слѣпая справедливость его удара, грубая сила удара, подчиненная невѣдомому приказу, до конца XVIII вѣка сохраняются въ мечѣ палача.

Священный девизъ безусловнаго утвержденія и безусловнаго отрицанія распался: шпага, утверждая личность, говоритъ — Да! Да!

Мечъ палача подымается лишь для того, чтобы сказать — Нътъ! Нътъ!

Золотая гармонія разбита, равновѣсіе силъ нарушено безвозвратно.

Ирраціональности шпаги и меча палача находятъ свое примиреніе лишь тамъ, въ далекомъ историческомъ прошломъ.

Шпага служитъ для совершенія актовъ внѣзаконной справедливости, являющейся пережиткомъ древней гражданственности. Дуэль это больше не судъ Божій, — она, какъ остроумно опредѣляетъ ее Мэтерлинкъ, она «судъ надъ нами нашего будущаго, судъ нашей удачи, судъ нашей судьбы, составленной изъ всего, что есть въ насъ неопредѣлимого и безсознательнаго. Во имя всѣхъ нашихъ злыхъ и добрыхъ возможностей, мы нудимъ ее высказаться, правы мы или не правы съ точки зрѣнія

невъдомой намъ цъли... Самое удивительное то, что ръшенія шпаги отнюдь не механичны и не могутъ быть предвосхищены никакимъ математическимъ расчетомъ. Наше счастье, наше искусство и случай чудеснымъ образомъ смъшаны въ этой почти мистической игръ, посредствомъ которой человъку нравится испытывать и изслъдовать грани своего существованія».

Такъ Судъ Божій въ шпагѣ становится почти азартной игрой, почти рулеткой, ставкой которой является жизнь. Пламенѣющая вѣра вырождается въ игру самолюбія и легкомыслія.

Власть священнаго среднев вковаго меча и его духъ строже сохранялся въ меч в палача. Мечъ палача лишенъ сана судьи, который удержался за шпагой, но онъ — безупречный и строгій исполнитель вышняго приговора.

Въ шпагъ вольность и нарушеніе традицій; въ мечъ палача упорный, честный консерватизмъ.

Ореолъ легендъ, тайнъ и магическихъ обрядовъ окружаетъ его.

Въ Германіи, когда мечъ отрубилъ 99 головъ, собирались палачи со всей страны и торжественно, со сложными религіозными обрядами, въ полнолуніе, въ полночь, въ пустынномъ мѣстѣ хоронили усталый мечъ.

Какъ средневѣковый рыцарь — палачъ былъ не владыкой, а служителемъ меча.

Къ мечу палача приходили за совътами, какъ къ оракулу. Мечъ самъ начиналъ шевелиться, если къ нему приближался тотъ, кому было суждено кончить жизнь на плахъ.

Самъ палачъ пользовался авторитетомъ,

который былъ основанъ не только на ужасѣ, но и на вѣрѣ народной въ то, что ему, познавшему смерть, вѣдомы и тайны жизни. Какъ съ болѣзнями души обращались къ священнику, такъ съ болѣзнями тѣла — къ палачу. Въ старомъ европейскомъ городѣ палачъ былъ врачомъ и цѣлителемъ.

Но начался упадокъ въ средъ самихъ палачей. Пошатнулась и замутилась въра въ непогръшимость меча, въ святость удара, отсъкающаго голову. Дрогнула твердая рука стараго европейскаго палача. Палачи стали терять хладнокровіе, когда имъ приходилось отсъкать коронованныя головы. Чъмъ больше мужества выказывали осужденные, тъмъ большимъ случайностямъ они подвергались.

Марія Стюартъ думала, что ее обезглавятъ, какъ во Франціи, мечомъ, и она будетъ стоять прямо, во весь ростъ. Ее заставили встать на колѣни и положить голову на плаху. Палачъ, сильно взволнованный, нанесъ ударъ невѣрной рукой; топоръ, вмѣсто того, чтобы ударить по шеѣ, упалъ на затылокъ и причинилъ лишь рану. Она не сдѣлала ни одного движенія, и у нея не вырвалось ни одного звука. Только вторымъ ударомъ палачъ отрубилъ ей голову.

Понадобилось семь ударовъ, чтобы снести голову кавалера де-Ту, приговореннаго къ смерти за то, что онъ не предалъ Сенъ-Марса.

Осужденные знали, что первый ударъ можетъ быть невъренъ.

Монмутъ, незаконный сынъ Карла II, обращаясь къ палачу, сказалъ: «Вотъ тебѣ шесть гиней, и постарайся не рубить меня, какъ котлету, какъ это ты сдѣлалъ съ лордомъ Русселемъ».

Первый ударъ нанесъ ему только легкую рану;

Монмутъ поднялъ голову и съ упрекомъ посмотрѣлъ на палача. Четыре удара понадобилось, чтобы покончить съ нимъ.

Эта неувъренность руки палача указываетъ ясно на то, что твердая средневъковая въра въ справедливость умирала уже въ душъ послъдняго представителя великой культуры меча.

Передъ самымъ началомъ великой революціи корпорація палачей находится въ состоянія полнаго моральнаго упадка, что можно видѣть изъ любопытнаго мемуара парижскаго палача Сансона, представленнаго въ 1791 году Національному собранію.

«Для того, чтобы казнь мечомъ — говорить онъ — произошла согласно требованію закона, необходимо, чтобы исполнитель казни былъ ловокъ и опытенъ, а приговоренный вполнѣ владѣлъ собою, не говоря уже о сознательныхъ препятствіяхъ съ его стороны. Иначе нѣтъ никакой возможности привести къ благополучному окончанію казнь посредствомъ меча».

Эти слова говорятъ о томъ, что старая казнь требовала и отъ палача и отъ осужденнаго одинаковой въры въ божественную справедливость таинства искупленія смертью.

Сансонъ продолжаетъ: «Долгимъ наблюденіемъ если нѣсколько доказано, что осужденныхъ быть обезглавлены должны одновременно, зрѣлище пролитой крови то преисполняетъ ужасомъ и смятеніемъ даже самыхъ ръшительныхъ. Подобная слабость представляетъ непобѣдимое препятствіе ДЛЯ Осужденные больше не могутъ стоять на ногахъ, и казнь переходить въ борьбу и бойню».

Далъе онъ говорить о мечахъ: «Послъ каждой казни лезвее меча не находится больше въ надлежащемъ состояніи для совершенія слъдующей. Мечъ надо снова направлять и оттачивать; и если казнь должна быть совершена надъ нъсколькими, то надо имъть достаточное количество заготовленныхъ мечей. Это создаетъ большіе трудности и расходы. Часто случалось, что мечи ломались при подобныхъ казняхъ. Палачъ города Парижа владъетъ лишь двумя мечами, дарованными ему бывшимъ парламентомъ города. Стоятъ они шестьсотъ ливровъ штука».

При новыхъ потребностяхъ и новыхъ соціальныхъ условіяхъ казнь не могла продолжаться въ такомъ видѣ.

Согласно идеямъ, свойственнымъ суровой демократической филантропіи того времени, въ Національномъ собраніи въ томъ же году былъ проведенъ законъ, устанавливающій равенство передъ смертью всѣхъ преступниковъ, независимо отъ преступленія, которое они совершили.

Вмъстъ съ гильотиной въ область смерти было введено машинное производство. И, какъ свойственно машинъ, она сделала эту отрасль производства дешевой и общедоступной. Людямъ революціи гильотина казалась мягкимъ и человъколюбивымъ орудіемъ, хирургическимъ инструментомъ, устранявшимъ людей изъ жизни посредствомъ безбольной операціи.

Въ то время, какъ введеніе другихъ машинъ, изобрѣтенныхъ тоже съ мыслью о благѣ человѣчества, было встрѣчаемо народнымъ негодованіемъ, въ то время, какъ парижскіе ткачи пытались утопить Жаккарда — изобрѣтателя ткацкой машины — въ

Сенъ, парижская чернь въ честь «Святой Гильотины» пъла страшныя литіи, какъ бы перенося на нее древнее священство меча:

Святая гильотина, защитница патріотовъ, помолись за насъ!

Святая гильотина, ужасъ аристократовъ, защити насъ! Добрая машина, помилуй насъ! Добрая машина, помилуй насъ! Святая гильотина, защити насъ отъ недруговъ нашихъ!

Такъ фактически окончилась великая культура средневъковья, оставившая нашему сознанію лишь отвлеченный символъ справедливости— мечъ.

Появленіе пороха вызвало страшный моральный кризисъ, перевернувшій всѣ понятія гражданственности и всѣ устои старой божественной справедливости.

Нравственное чувство рыцарства было глубоко возмущено слъпымъ демократизмомъ пороха.

Маршалъ Вителли приказывалъ выкалывать глаза и отсъкать кисти рукъ аркебузьерамъ, взятымъ имъ въ плънъ, какъ въроломнымъ трусамъ, пользовавшимся недозволеннымъ оружіемъ.

Монлюкъ, лишившійся праваго глаза отъ огнестрѣльной раны, пишетъ въ своихъ «Комментаріяхъ»:

«Надо отмътить, что войско, которымъ я командовалъ, было вооружено лишь арбалетами, потому что въ тъ времена не было еще аркебузьеровъ среди нашего народа. Почему не угодно было Господу, чтобы это гнусное орудіе никогда не было изобрътено; тогда не носилъ бы я на своемъ тълъ его слъды, которые до сихъ поръ не даютъ мнъ покоя, и не

погибло бы столько смѣлыхъ и достойныхъ витязей отъ руки трусовъ и предателей, которые, не смѣя честно глядѣть въ лицо противника, издали поражаютъ его своими пулями».

Чудовищныя и плохо приспособленныя къ дъйствію пушки и бомбарды, часто болъе опасныя для управляющихъ ими, чъмъ для враговъ, внушали апокалипсическій ужасъ къ себъ.

Аріостъ посвятилъ новому оружію одну изъ пъсенъ Орланда, въ которой онъ восклицаетъ:

«О, проклятая и отвратительная машина, которая была выкована на днѣ Тартара рукой Вельзевула, чтобы стать гибелью міра! Она пробиваетъ желѣзо, обращаетъ его въ пыль, дробитъ и дырявитъ. Несчастные! Отсылайте на кузню ваши доспѣхи, ваши мечи и берите на плечо ружья и аркебузы! Святотатственное и отвратительное : изобрѣтеніе!

«Какъ могло найти ты доступъ къ человъческому сердцу? Тобою сокрушена военная слава, тобою опозорено ремесло воина; благодаря тебъ, сила и храбрость стали безполезными; благодаря тебъ трусъ становится равенъ храбръйшему.

«Изобрътатель этихъ гнусныхъ орудій превзошелъ въ мерзости своей все, что міръ когда либо изобрълъ наиболъе жестокаго, наиболъе злого. Я убъжденъ, что Богъ, дабы сдълать въчнымъ искупленіе столь великаго преступленія, низвергнетъ эту проклятую душу въ глубочайшую :изъ безднъ адовыхъ, туда, гдъ томится душа предателя Іуды».

Подобныя же слова влагаетъ Сервантесъ въ уста Донъ Кихота:

«О, сколь благословенны тѣ счастливые вѣка, которые не видали ужасающей ярости

артиллерійскихъ снарядовъ. Ихъ помощью рука труса можетъ сразить храбръйшаго изъ рыцарей. Размышляя объ этомъ, я сожалъю въ глубинъ души, что обрекъ себя дъятельности странствующаго рыцаря въ эпоху столь печальную, какъ наша...»

Памятникомъ ужаса, которымъ была охвачена Европа ликомъ пороха, предъ является Альбрехта апокалипсическая гравюра Дюрера «Пушка», изображающая легендарное чудовище — Пушку Магомета II, отлитую по его приказу при осадъ Константинополя превосходившую И своими размърами всъ орудія, извъстныя до того времени.

На дюреровской гравюръ она изображена въвидъ огромной низвергнутой башни, разверзшей свое мъдное жерло надъ равнинами Европы — надъмирными полями и зубчатыми коронами старыхъгородовъ.

II. ПОРОХЪ

Согласно указаніямъ тайной доктрины, великое племя гигантовъ было поглощено матерью ихъ землей — Геей. Земля приняла ихъ въ свое лоно и растворила ихъ въ себъ.

Человъчество, слъдовавшее за ними и обитавшее на материкъ, который занималъ мъсто Великаго океана, материкъ, называемомъ Лемуріей, было поглощено огнемъ.

Атлантида — человъчество, предшествовавшее нашему, память о которомъ сохранилась у Платона, погибла отъ воды, и прежнее сказаніе о всемірномъ потопъ осталось памятникомъ этой катастрофы.

Смутное указаніе, являющееся логическимъ продолженіемъ этой аналогіи, говорить о томъ, что наше европейское человъчество погибнетъ отъ четвертой стихіи — будетъ поглощено воздухомъ точно такъ же, какъ гиганты — Гипербореи были поглощены землей, Лемуры — огнемъ, Атланты — водой.

Послъдніе годы европейской исторіи раскрыли намъ нъчто, что даетъ глубокій и неожиданный смыслъ этому фантастическому пророчеству.

Первые годы XX столътія будутъ отмъчены во всемірной исторіи тъмъ, что человъкъ на этой грани позналъ новую смерть, новый павосъ самоуничтоженія — гибель отъ взрывчатыхъ веществъ.

Для нашего тъла стало возможнымъ быть развъяннымъ въ воздухъ въ одно мгновеніе ока тончайшею и невидимою пылью.

Я помню совершенно точно тотъ моментъ, когда значеніе этой новой смерти было постигнуто.

Это было при первыхъ извѣстіяхъ о битвахъ подъ Портъ-Артуромъ. Въ телеграммахъ была подробность о смерти офицера, который взрывомъ былъ безслѣдно развѣянъ въ воздухѣ, и отъ него осталась лишь правая рука, продолжавшая держать рулевое колесо.

Воображеніе было потрясено; даже больше — было потрясено не воображеніе, а сознаніе тѣла, сознаніе формы.

Умъ тщетно старался представить себъ ощущеніе такой смерти.

Въдь мы можемъ ясно представить себъ и тягуче-сладкія грезы утопающаго, и тотъ неодолимый и упоительный сонъ, который охватываетъ при замерзаніи, и ощущенія повъшеннаго, у котораго агонія тъла неизбъжно и діаболически соединяется съ возбужденіемъ нервныхъ центровъ пола, и безбольное, неотвратимое проникновеніе стального острія въ сокровенную глубину плоти, даже пьянящую боль утонченныхъ среднев вковыхъ пытокъ, даже молніеносныя вспышки мозгу сознанія въ гильотинированныхъ, въ мозгу тѣхъ отрубленныхъ головъ, которыя кусали другъ друга въ кровавыхъ корзинахъ Террора.

Но какъ представить себѣ полное и мгновенное уничтоженіе своего тѣла, своей формы, полное и мгновенное и притомъ механическое разъединеніе всѣхъ мельчайшихъ частицъ нашей плоти; кости, нервы, мускулы, кровяные шарики, мозгъ въ одно мгновеніе невидимою пылью развѣянные въ воздухѣ?

Не только изнутри, — свое собственное ощущеніе невозможно себ'в представить, — нельзя представить даже со стороны; очевидецъ не в'вритъ

своимъ глазамъ.

Раньше смерть поражала прежде всего, какъ зрѣлище, и была любима, какъ зрѣлище. Она была видимой, осязаемой, пластической.

Глазъ бывалъ потрясенъ страшными ранами меча, разсъченными черепами, отрубленными руками и ногами.

Порохъ потрясалъ ударомъ грома; выстрѣлъ сопровождался клубами дыма.

Теперь залпы орудій становятся бездымными и беззвучными. Раны отъ пуль становятся незамѣтными и безбольными, благодаря силѣ удара.

Страшныя раны отъ разрывныхъ снарядовъ — это только переходъ къ полному и моментальному уничтоженію силой взрыва.

Типомъ смерти станетъ совершенное уничтоженіе.

Эволюція насильственной смерти ведетъ къ тому, что смерть все болѣе и болѣе становится невидимой и все болѣе и болѣе страшной, какъ для грековъ самыми страшными были невидимыя тихія стрѣлы Аполлона, которыми онъ поражалъ кощунствующихъ.

Но какъ у звука есть предълъ, за которымъ онъ перестаетъ быть слышимъ, какъ у боли есть предълъ, за которымъ она перестаетъ быть ощутима, такъ же есть предътъ ужаса смерти. Здъсь она переступила грань и перестала быть ужасна.

Ужасъ смерти не существуетъ для насъ внъ тъла, внъ трупа.

Въ христіанскомъ погребеніи, въ постепенномъ растворений плоти, въ сліяніи ея съ землею есть нѣкая сладость ужаса.

Здѣсь же, въ этой новой смерти, въ этомъ мгновенномъ и безусловномъ исчезновеніи тѣла есть головокруженіе неожиданности, но уже перейдены грани физическаго ужаса.

Новый ликъ смерти уже вошелъ за эти годы въ домашній обиходь нашей жизни и сталь почти обычнымъ, почти ежедневнымъ явленіемъ, онъ уже успѣлъ подернуться для насъ сѣрымъ налетомъ обыденности.

Смерть, несомая человъкомъ человъку, прошла гигантскій пробъгъ эволюціи; отъ добраго, братскаго кулака Каина до корректнаго и культурнаго лиддита.

Милліоны лѣтъ отдѣляютъ эти двѣ вѣхи пути истребленія.

Въ то время, какъ человъкъ, охваченный гнъвомъ, подымалъ надъ головой свой невооруженный кулакъ, въ ударъ молніи онъ видълъ высшее воплощеніе справедливой божественной силы — разрушающей и карающей.

Правда, въ концѣ концовъ эти враги покоряются, и ему удалось поймать и приручить молнію — эту огненную бабочку грозового неба. Теперь въ рукахъ любого юноши, разгнѣваннаго на соціальный строй, стоитъ лишь ему совершить обрядъ заклинанія, точно выраженный въ химической формулѣ, — сосредоточивается сила, отъ которой самъ Олимпъ можетъ затрепетать до основанія.

Произошло громадное, неимовърное нарушеніе соціальнаго и моральнаго равновъсія. Человъчество сдълало безумный скачокъ въ неизвъстныя пространства. Сейчасъ мы уже въ размахъ этого скачка. Наши ноги отдълились отъ твердой земли, и только свистъ полета въ ушахъ, и мозгъ, замирая, еще не

смъетъ осознать совершившагося дерзновенія.

Когда дымный порохъ — предтеча и провозвъстникъ новыхъ демоновъ — явился на призывы средневъковыхъ маговъ и алхимиковъ, не къ нему обращенные, воплотился, какъ гомункулъ новыхъ силъ, въ ретортъ злого монаха и, ступивъ тяжкой пятой на старое рыцарство, разметалъ стальные доспъхи и разрушилъ священное царство меча, то и тогда, какъ ни велико было моральное потрясеніе, вызванное имъ, все же значеніе событія было ничтожно по сравненію съ той гранью, что поставлена на рубежъ ХХ столътія и совпадаетъ съ русско-японской войной.

Стоитъ только сопоставить оскорбленное негодованіе Аріоста, Сервантеса и Монлюка противъ пушекъ и аркебузовъ со статьей Мэтерлинка «Les dieux de la guerre» ⁶. Насколько у Аріоста сильно гнѣвное негодованіе рыцаря, сознавшаго, что честь и мужество стали безполезны, настолько же въ словахъ Мэтерлинка звучитъ тревога философскаго ума, и теченіе мыслей своихъ онъ перебиваетъ испуганными и отрывистыми вопросами.

Вотъ вкратцѣ то, что говорить Мэтерлинкъ: Лишь только среди кажущагося сна природы овладѣли мы лучомъ или родникомъ новой силы, мы становимся ея жертвами, или еще чаще ея рабами. Точно мы, стараясь освободить себя, на самомъ дѣлѣ освобождаемъ своихъ грозныхъ противниковъ.

Правда, въ концѣ концовъ эти враги покоряются и начинаютъ намъ оказывать такія услуги, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись.

⁶ Боги войны (фр.). Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуетъ. – *Примгьчаніе издателя*.

Но едва лишь одинъ изъ нихъ покорится намъ и станетъ подъ ярмо, какъ онъ же наводить насъ на слѣдъ противника несравненно болѣе опаснаго. Между этими противниками есть такіе, которые кажутся совершенно неукротимыми. Не потому ли, быть можетъ, остаются они мятежными, что искуснѣе другихъ правятъ дурными страстями нашего сердца, на много вѣковъ замедляющими побѣдоносное шествіе нашего сознанія.

Это касается главнымъ образомъ изобрѣтеній въ военномъ дѣлѣ.

Въ первый разъ съ самаго разсвѣта человѣческой исторіи силы совершенно новыя, силы, наконецъ, созрѣвшія и выступившія изъ мрака многовѣковыхъ исканій, подготовившихъ ихъ появленіе, пришли, чтобы устранить человѣка съ поля сраженія.

этихъ послъднихъ войнъ онъ ДО появлялись лишь отчасти, держались въ сторонъ и дъйствовали издали. Онъ еще колебались въ своемъ самоутвержденіи еще И оставалось какое соотвътствіе между ихъ необычайнымъ дъйствіемъ и движеніемъ нашей руки. Дъйствіе ружья не превышало границъ нашего зрѣнія, и разрушительная сила самой страшной пушки, самаго грознаго изъ взрывчатыхъ веществъ, сохраняла еще человъческія пропорціи. Теперь мы переступили всъ грани, мы окончательно отреклись отъ власти. Царство наше кончено, и вотъ крупицы песка. мы. отданы какъ BO власть чудовищныхъ И загадочныхъ силъ, которыя МЫ посмъши воззвать сами себъ на помощь.

Правда, во всѣ времена значеніе человѣка въ сраженіяхъ не было ни самымъ важнымъ, ни самымъ

ръшающимъ элементомъ. Еще во времена Гомера олимпійскіе боли вмъшивались въ битвы смертныхъ и ръшали судьбу сраженій. Но это были боги еще мало могущественные и не очень таинственные... Если вмъшательство ихъ казалось сверхъестественнымъ, зато оно отражало и человъческія формы и человъческую психологію.

Затъмъ, по мъръ того, какъ человъкъ выходилъ постепенно изъ міра сновидъній, и сознаніе его прояснялось, боги, сопровождавшіе его на его пути, росли, но удалялись, становились менъе различимы, но болъе непреодолимы.

По мѣрѣ того, какъ росло его знаніе, волны невѣдомаго все болѣе наводняли его область.

По мъръ того, какъ арміи организуются и растутъ, по мъръ того, какъ оружіе усовершенствуется, а наука идетъ впередъ и овладъваетъ все новыми и новыми силами природы, судьба сраженій все болъе ускользаетъ отъ полководца и отдается во власть непостижимыхъ законовъ, именуемыхъ случаемъ, счастьемъ и рокомъ.

Толстой въ удивительной картинѣ Бородинскаго сраженія противопоставляетъ фаталиста Кутузова, сознающаго неизбѣжности совершающагося, и Наполеона, думающаго, что онъ управляетъ битвой. А сраженіе идетъ тѣмъ путемъ, который намѣтила ему природа, подобно рѣкѣ, которая стремитъ свои воды, не обращая вниманія на крики людей, стоящихъ на берегу.

Между тѣмъ, Наполеонъ единственный изъ всѣхъ полководцевъ послѣднихъ европейскихъ войнъ, поддерживаетъ иллюзію руководительства людьми. Невѣдомыя силы, которыя слѣдовали за его войсками,

и который уже царили надъ ними, были еще въ состояніи дътскомъ. Что могъ бы онъ сдълать сегодня? Могъ ли бы онъ вновь овладъть хотя бы сотой долей того вліянія, которое онъ имълъ на исходъ битвъ? Потому что теперь тъ дътскія силы выросли, и уже иные боги строятъ наши ряды, разсыпаютъ наши эскадроны, разрываютъ наши линіи, потрясаютъ нашими кръпостями и топятъ наши броненосцы. Онъ имѣютъ человъческаго облика, больше возникаютъ изъ первичнаго хаоса, онъ приходятъ изъ предъловъ болъе отдаленныхъ, чъмъ ихъ предтечи, и вся ихъ власть, ихъ законы, ихъ воленія находятся за предълами нашей жизни, по ту сторону сферы нашего пониманія, въ міръ для насъ совершенно замкнутомъ, въ міръ наиболье враждебномъ судьбамъ нашего рода, въ міръ безформенномъ и грубомъ, въ міръ инертнаго вещества.

И этимъ-то слѣпымъ и чудовищнымъ незнакомцамъ, у которыхъ ничего общаго нѣтъ съ нами, которые повинуются побужденіямъ и приказамъ настолько же неизвѣстнымъ, какъ тѣ, что царятъ на звѣздахъ наибаснословно отдаленнѣйшихъ отъ насъ, этимъ то непостижимымъ, необоримымъ силамъ, этимъ то чудовищамъ, которыхъ нельзя отнести ни къ какому порядку, довѣяемъ мы почти божественныя полномочія: превысить нашъ разумъ и расчленить справедливое отъ несправедливаго.

Какимъ же волямъ вручили мы наши священнъйшія привиллегіи?

Какимъ чудовищнымъ ликомъ отдълены они — взрывчатыя вещества, эти нынъ царствующіе и высочайшіе изъ боговъ, которые въ храмъ войны свергли всъхъ боговъ прошлыхъ временъ? Изъ какихъ

глубинъ, изъ какихъ недосягаемыхъ безднъ подымаются эти демоны, которые еще до сихъ поръ никогда не являли своего лица дневному свъту? Къ какой семьъ ужасовъ, къ какому нежданному роду тайнъ причислить ихъ?

Мелинитъ, динамитъ, панкластитъ, кордитъ, робуритъ, лиддитъ, баллиститъ неописуемыя видънія, рядомъ съ которыми старый черный порохъ, пугало отцовъ нашихъ, даже сама молнія, въ которой былъ для насъ воплощенъ наиболъе трагическій жестъ божественнаго гнъва, кажутся какими то болтливыми пощечину, кумушками, скорыми на но безобидными, почти материнскими. Никто не постигъ самой поверхностной изъ великихъ безчисленныхъ тайнъ, и химикъ, изготовляющій вашу дрёму, такъ же артиллеристъ мало. какъ или инженеръ. пробуждающіе ee, знаетъ вашу природу, ваше происхожденіе, вашу душу, пружины порывовъ, не поддающихся никакому исчисленію, и въчные законы, которымъ вы вдругъ повинуетесь.

Мятежъ ли вы вещей извѣчноплѣнныхъ? Или вы молніеносное преображеніе смерти, ужасающее ликованіе потрясеннаго ничто, взрывъ ненависти или избытокъ радости? Или вы новая форма жизни столь яростной, что въ одну секунду она можетъ истощить терпѣніе двадцати столѣтій? Или вы разрывъ міровой загадки, которая нашла тонкую трещину въ законѣ молчанія, ее сдавившемъ? Или вы дерзкій заемъ изъ того запаса энергіи, что нашу землю поддерживаетъ въ пространствѣ? Или въ одно мгновеніе ока собираете вы для немыслимаго прыжка къ новымъ судьбамъ все то, что приготовляется, вырабатывается и собирается въ тайникахъ скалъ, морей и горъ? Кто вы — духи, или

матерія, или еще третье, не имѣющее имени, состояніе жизни?

Где черпаете вы ярость вашихъ опустошеній, на что опираете вы рычагъ, раздирающій материкъ, откуда вашъ порывъ, который могъ бы преодолѣть тотъ звѣздный кругъ, въ которомъ земля — ваша мать, являетъ волю свою?

На всѣ эти вопросы ученый, создающій васъ, отвѣчаетъ, что ваша сила просто является слѣдствіемъ образованія большого объема газовъ въ пространствѣ слишкомъ узкомъ, чтобы сдержать его подъ атмосфернымъ давленіемъ.

Нътъ никакого сомнънія, что это отвъчаетъ на всъ вопросы, и все становится ясно. Мы видимъ самое дно истины и знаемъ поэтому, какъ во всъхъ подобныхъ случаяхъ, чего слъдуетъ намъ держаться...

тревожныхъ Этотъ вопросовъ рядъ Мэтерлинка, эта гнъвная иронія, съ которой онъ приводитъ слова науки, отвъчающія на нихъ и въ то же время ничего не разръшающія въ той области, въ которой онъ ищетъ отвъта, достаточно красноръчивы. Что общаго между образованіемъ большого объема газообразной матеріи и судьбой справедливости на землъ? Но найти слова для вопроса можно лишь тогда, когда въ безсознательномъ уже созрълъ отвътъ на него. Въ самой возможности вопроса уже кроется его разръшеніе. Въ вопросахъ Мэтерлинка уже цълое міровоззрѣніе, еще смутное и блуждающее, но уже установленное въ основахъ своихъ.

Онъ стоитъ передъ новыми богами-демонами, онъ именуетъ ихъ богами и все же не смъетъ и не

хочетъ признать ихъ дъйствительную божественность, принять то, что человъчество съ этой самой исторической грани дальше поведетъ свой путь предъ судящимъ ликомъ имъ вызванныхъ къ жизни божествъ.

На самомъ дѣлѣ искать уподобленій для Мэтерлинка надо не у Аріоста и не у Монлюка, которые не сознавали мистаческаго значенія совершившагося на ихъ глазахъ переворота, а гораздо раньше — въ первомъ памятникѣ арійскаго сознанія: въ гимнахъ Ригъ-Веды, посвященныхъ огню.

Лишь появленіе огня въ рукахъ человѣка можно сравнить по историческому значенію съ нынѣшнимъ моментомъ въ жизни человѣчества.

Тогда человъкъ стоялъ тоже передъ лицомъ демоновъ, призванныхъ ими къ жизни. Страшное божество вошло въ его домъ и свило себъ огненное гнъздо-очагъ. Вся жизнь человъка шла въ непрерывномъ трепетъ, предъ пламенъющимъ окомъ страшнаго бога. Пещера, хижина стали храмомъ, обиходъ жизни — религіознымъ обрядомъ, принятіе пищи, освященной огнемъ — таинствомъ. Радостный трепетъ предъ божествомъ, посътившимъ человъка, создаетъ семью.

«Ригъ-Веда — пылающая библія огня, — говорить Поль де Сенъ-Викторъ. — Изъ тысячи ея гимномъ пятьсотъ призываютъ всемогущій огонь; касаясь земли, онъ принимаетъ имя Агни (ignis). Въ обрядѣ, который предшествуетъ его рожденію, никакой мысли о естественности явленія. Каждое изъ его рожденій и возрожденій — чудесно. Онъ рождается и растетъ въ вѣчномъ чудѣ. Безъ тѣхъ священныхъ пѣснопѣній, которыя оттѣняютъ ритмъ вращенія

деревяннаго стержня внутри диска, оскорбленный богъ не явить лика своего. Пробуждаетъ его слово, а не треніе. Онъ требуетъ славословій. Все одухотворяется, все обожествляется, соприкасаясь съ его божественной сущностью. Два куска дерева — мужское и женское начало, образующіе колыбель его, становятся его отцомъ и матерью на землъ. Трудны и утомительны его роды.

Подобно нерожденному ребенку, покоишься ты во чревъ матери!» И вотъ онъ свътаетъ слабый и блъдный въ съмени искры, и пришествіе его прывътствуется кликами экстаза. Дрожа, лижетъ онъ окружающее его дерево. Сома, которую возбуждаетъ его, и онъ начинаетъ пылать. моментъ Аповеоза. Еще только что имълъ онъ «четыре глаза, чтобы глядъть на тъхъ, что питаютъ его, теперь у него тысяча глазъ, «чтобы все видъть и все охранять». Это Богъ «золотой бородой», СЪ «первосвященникъ о семи лучахъ», «красный герой, который преслъдуетъ своими стрълами полчища тьмы». «Истребитель демоновъ, скрытыхъ въ образъ ночныхъ животныхъ», «посредникъ, который несетъ къ небу молитвы и желанія людей». Владыка міровъ, онъ обходитъ ихъ, какъ пастырь, считающій стада свои. «О, Агни, всъ боги для тебя, тобою и черезъ тебя!»

«Но этотъ богъ, безмърно возвеличившійся, размѣровъ нисходить ДО призвавшаго его. Божественный пожаръ не презираетъ искры, которой изъ вышелъ. онъ жертвоприношенія, возвращаясь въ хижину, которой онъ началъ быть, Агни снова мирно сіяетъ на пастушескомъ очагъ. Онъ согръваетъ и освъщаетъ семью. Его огонь — это свътъ, который изгоняетъ дурныя мысли, подобно тому, какъ онъ отгоняетъ дикихъ звѣрей. Эта жизнь подъ взглядомъ божественнаго ока не дозволяетъ творить злое. Какъ грѣшить въ томъ домѣ, гдѣ бдящій богъ — гостемъ? Агни переживаетъ разсѣянье арійской расы, и каждое племя, уходя, уносить съ собою отъ священнаго очага горящую головню, и снова раздуваетъ ее на той землѣ, которую избрало себѣ.

«Ребенокъ признается отцомъ своимъ только послѣ того, какъ онъ переносится черезъ огонь. Первая жертва, которая приносилась предъ началомъ Олимпійскихъ игръ, была Очагу, вторая Зевсу. Веста остается августейшей прабабкой римскаго Олимпа».

Демоны огня и демоны взрыва родственны другъ другу. Сущность огня стоить очень близко къ сущности взрыва. Огонь — это дъйствіе длительное, взрывъ — мгновенное: горъніе и сгораніе. Вся въчность огня заключена въ одномъ мгновеніи взрыва.

Жизнь — это горѣніе.

Но еще точнъе: жизнь — это ритмическая послъдовательность сгораній, т.е. взрывовъ. Біеніе сердца — это взрывы, а не горъніе.

Чудовищные демоны, о которыхъ говорить Мэтерлинкъ, это раздъльныя біенія какой то великой космической силы, которую мы можемъ познать лишь по слабому ея прообразу огня.

Огонь, впившись въ толщу звѣринаго однороднаго человѣчества, состоявшаго изъ самцовъ и самокъ, выплавилъ изъ него семью, выявилъ изъ самки женщину въ ея трехъ ипостасахъ — сестры, дѣвушки и матери, огнемъ скристаллизовалось неприкосновенное жилище человѣка, изъ огня, какъ изъ сѣмени, расцвѣла вся наша государственность. Мы привили себѣ ядъ

огня, и онъ сталь основой всей нашей жизни. Огонь, разъединяющій все матеріальное, сталь для человѣка цементомь духа.

Взрывчатыя вещества пришли, какъ новый огонь. Они плетутъ свое гнъздо въ страстяхъ чедовъка: въ гнъвъ, въ ненависти, въ жадности, во властолюбіи.

Нѣтъ сомненія, что древнее пророчество о томъ, что европейское человѣчество будетъ развѣяно въ воздухѣ, можетъ исполниться. И войны и анархіи ведутъ однимъ путемъ къ исполненію его. Наша древняя, огненная, могучая государственность можетъ не вынести этого новаго яда, который устремился на самые слабые и больные органы ея.

Взрывчатыя вещества несутъ съ собой страшныя нарушенія равновъсія силы и морали, на которомъ покоится каждый общественный строй.

Изъ этихъ нарушений еще произойдутъ страшныя катастрофы, подобныя міровымъ катаклизмамъ.

такой же увъренностью предсказать, что въ слѣдующемъ циклѣ человѣческаго развитія взрывчатыя вещества заступятъ древнее мъсто огня, и человъчество, возросшее въ священномъ трепетъ предъ судящимъ окомъ этихъ новыхъ силъ, создастъ новую государственность, иную, государственность огня. Этотъ новый строй будетъ пронизанъ ритмическимъ трепетомъ силъ, породившихъ, которыя, сбросивъ СВОИ демоновъ. вимиде явятъ нами, строгіе свои божественные лики новой справедливости.

Лиддитные снаряды и динамитныя бомбы — это лишь безобразные, хаотическіе предвъстники того будущаго священнаго очага, вокругъ котораго начнетъ

кристаллизоваться новая семья, новая государственность человъчества, идущаго вслъдъ за нами.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (http://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкъ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ ръка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трёхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли ещё десятки подобныхъ сёлъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чёмъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждётъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ всё вернётся, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкъ научно-проектной документаціи.

Если Вы имъете возможность помочь намъ въ дълъ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счёть получателя: 40703810655100000343 въ Съверо-Западномъ банкъ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653. БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ Васъ за поддержку, Друзья!

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступять на расчетный счеть.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]